

АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ ШИНКОВОЙ

**ПОЛЬСКИЕ СВЯЩЕННИКИ В СИБИРСКОЙ ССЫЛКЕ
ПИСЬМА КСЕНДЗОВ: А. ОЙРЖАНОВСКОГО,
Л. ТЕНСЕРОВСКОГО, А. РОШКОВСКОГО 1835-1842 ГОДЫ**

Благодаря документам Главного Управления Восточной Сибири за 1822-1887 гг., ныне хранящимся в Государственном архиве Иркутской области (ГАИО), удалось восстановить некоторые сведения о трех польских ксендзах, волею трагического случая оказавшихся в сибирской ссылке. Их имена могут быть уже забыты. Ведь с тех пор как они этапом оказались в Сибири, минуло немало лет. Тем более важно напомнить о них теперь, всем тем, кто исследует подобного характера вопросы польско-русской истории.

Ксендзы Антоний Севастьянович Ойржановский, Людвиг Тенсеровский (Тенсиоровский) и Андрей Рошковский относятся к первой волне ссыльных священников, сочувствовавших польскому восстанию 1831 года¹. За ними шли на поселение в Сибирь десятки священнослужителей римско-католической церкви, осознанно сделавших выбор в пользу борьбы за независимость родины. Их пребывание в Иркутской губернии в ссылке отмечено в многочисленных

АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ ШИНКОВОЙ – кандидат исторических наук, Государственный архив Иркутской области, 664047 г. Иркутск, ул. Байкальская 79 [Dr Anatolij Szynkowej – Gosudarstwiennyj Archiw Irkutojskoj Obłasti (Państwowe Archiwum Obwodu Irkuckiego), 664047 Irkuck, ul. Bajkalskaja 79].

¹ Według danych z literatury polskiej ks. Roszkowski został zesłany za udział w wydarzeniach 1831 r., a księża Ojrzanowski i Tensiorowski – głównie za kontakty z partyzantką Józefa Zaliwskiego w 1833 r. Artykuł niniejszy wnosi wiele nowych ustaleń do biografów księży. Por. W. Ś l i w o w s k a, *Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Słownik biograficzny*, Warszawa 1998, s. 426 (Ojrzanowski), s. 513 (Roszkowski), s. 626 (Tensiorowski) – (oprac. E. Niebelski).

документах ГАИО, в других сибирских и центральных архивах России. По этим архивным источникам, число которых достигает несколько тысяч, точную цифру назвать пока сложно, отслеживаются события первой половины XIX века. Незабываемые вехи тех памятных лет должны быть доступны широкой общественности в наши дни.

28 октября 1834 года Министр Внутренних дел тайный советник Дмитрий Николаевич Блудов (пост занимал с 1832 по 1838 гг.) писал господину исправляющему должность Иркутскому и Енисейскому генерал-губернатору генерал-майору Семену Богдановичу Броневскому (в должности с 1834 по 1837 гг.) о том, что следует продумать вопрос об учреждении где-либо в глубине Российской Империи дома смирения для польских католических священников, принимавших участие или поощрявших преступные замыслы польских мятежников. Министр намерен был удалить из Царства Польского и ближайших к ней губерний то неблагонадежное духовенство, которое было замечено в сговоре с мятежниками. В начале, по приговору военного суда, было решено их расселять в Малороссии и Белоруссии. Там, где имелись монастыри разных монашеских орденов. Правда, по мнению министра, на территории Российской Империи католические монастыри размещались слишком близко к западным границам, что естественно вселяло опасение о возможных контактах священников с возмутителями спокойствия. Итак, нежелательных тайных общений наблюдалось с лихвой. О чем, разумеется, непременно докладывалось властям.

Так, весной 1833 года были изобличены ксёндзы Антоний Ойржановский и Людвиг Тенсеровский, когда те скрытно вели встречи с одним из главных заговорщиков Артуром Завишею, неожиданно явившимся из Франции с братом Альфредом, военнослужащим бельгийской армии и мятежником Тржебятковским. За подобные противоправные действия ксёндзы должны были поплатиться ссылкой в отдаленные римско-католические монастыри. Но таких не имелось во внутренних губерниях России. Другие монастыри римско-католической церкви были переполнены. Следовательно, они не могли принять подвергшихся репрессии священников. Вот в этой связи и предполагалось учредить где-нибудь в отдаленных местах Империи дом смирения для римско-католического духовенства, осужденных к ссылке. Таким отдаленным местом считалась Восточная Сибирь. Специальный курьер ведомства

МВД оповестил генерал-фельдмаршала князя Варшавского графа Паскевича Эриванского, чтобы тот сделал предписание об отправке ксендзов А. Ойржановского и Л. Тенсеровского в Иркутскую губернию. По окончании над ксендзами следствия Военный губернатор Варшавы сообщил московскому генерал-губернатору о высылке через Москву в Сибирь двух ксендзов. По этапу, минуя одну губернию за другой, ссыльных доставили до берегов Енисея. Отсюда в сопровождении двух унтер-офицеров красноярской жандармской команды ксендзов отправили в Иркутск, куда те прибыли 22 февраля 1835 года.

Приговоренные к ссылке ксендзы не были лишены сана. Не случайно генерал-губернатор распорядился принять двух польских ксендзов «приличным сану их образом». При этом, разумеется оградить их от общения с поляками, другими не желательными лицами. Впрочем, в Иркутске сделать это было сложно. В городе уже имелся римско-католический храм, посещаемый верующими. Именно при этом храме суждено было в начале своего прибытия в Иркутск находиться ссыльным ксендзам. Уже в марте 1835 года настоятель Иркутской Римско-Католического церкви начал ходатайствовать о производстве вновь поступившим ксендзам казенного содержания. Ксендзы полагали, что останутся при храме. Однако в мае месяце того же года генерал-губернатор Восточной Сибири поднимает вопрос о высылке римско-католических священников в пограничное селение, именуемое Тункинская крепость, что располагалась в 180 верстах к югу от Иркутска. Было решено взять ксендзов «под надзор и наблюдение начальника тамошней дистанции» с выделением «им кормовых денег от казны по 25 копеек в сутки».

13 мая 1835 года Иркутский городничий отправил двух польских ксендзов в сопровождении курьера за Байкал. Вскоре по прибытию в Тунку ксендзы поняли, что выжить им в тамошних условиях будет очень сложно. Они пишут генерал-губернатору прошение о переводе их в другое место².

При всем желании генерал-майор С.Б. Броневский, не имея надлежащего разрешения Высшего Правительства, не мог облегчить участь ссыльных ксендзов. По крайней мере, так он просил объявить польским священникам, ссылаясь на их письмо к нему. Хотя можно

² ГАИО, Ф. 24, оп. 3, к. 8, д. 185, л. 1-2 об., 12-13, 22-22 об.

утверждать, что надлежащее участие в судьбе ксендзов С.Б. Броневский принимал. Летом 1835 года вышло специальное распоряжение, доставленное в Иркутск лишь осенью, о том, что Министром Финансов было предписано Иркутской Казенной Палате выплачивать священникам А. Ойржановскому и Л. Тенсеровскому на содержание по 50 копеек в сутки и 5 рублей квартирных в месяц, что в год на каждого выходило по 240 рублей. К тому времени, два польских священника уже находились в заштатном г. Балаганске Иркутского округа, куда были доставлены 25 августа 1835 года на правах свободного жительство. Из г. Балаганска ксендзы пишут письма генерал-губернатору Восточной Сибири, в которых просят удовлетворить возможность совершать богослужение³. Для местной власти просьбы ксендзов не являлись делом каким-то обязательным. Но они не были полностью безучастными к судьбе поляков. К двум ссыльным для проведения необходимых правилами церкви треб из Иркутска командировали ксендза.

В июне 1838 года ксендзы вынуждены были вновь писать письмо уже новому генерал-губернатору Восточной Сибири Вильгельму Яковлевичу Руперту (с 1837 по 1847 гг.), в котором выразили недоумение по поводу того, что балаганский сельский начальник намерен был обязать их заниматься сельским трудом. Тогда как ксендзы не были лишены духовного сана и гражданского состояния. Следовательно, по своему сословию ксендзы не должны были приобщаться к не свойственному им быту. Нужно отдать должное управляющему Иркутской губернией, который счел возможным остановить процедуру отвода земли польским священникам.

Следует отметить тот факт, что польские священники не были приспособлены к жизни в условиях сурового сибирского климата. Здесь европейские жители испытывали постоянную нужду. По причине то низкого урожая, то засухи или ранних заморозков цены на продукты питания постоянно росли. Поэтому выделяемых им денег не стало хватать на питание, тем более на одежду. Та помощь, которая поступала ксендзам от родственников, оказалась незначительной. Так, например, ксендз Антоний Ойржановский в декабре 1839 года получил 445 руб. ассигнациями, затем в феврале 1841 года 391 руб. 83 коп. ассигнациями. Ксендзам Л. Тенсеровскому и присоединенному к ним в январе 1838 года ксендзу Андрею Рошковс-

³ Указанный документ: л. 42, 98.

кому в 1839, 1840 и 1841 годах денег от родственников прислано не было вовсе⁴.

Вот и приходилось им из-за неустроенности быта, страха жить впроголодь, отстаивать в письмах важные интересы своего существования. Насущные житейские проблемы заставляли ксендзов просьбами беспокоить Управляющего краем, чтобы тот изыскал возможность увеличить средства на их содержание. Такие ходатайства из Иркутска отправлялись в Санкт-Петербург в Министерство внутренних дел. Но оттуда не всегда вовремя поступал положительный результат. Вскоре совсем могла поменяться судьба ссыльных ксендзов в Сибири.

25 августа 1841 года до Иркутска дошло секретное предписание о том, что в Минусинском округе Енисейской губернии приступили к устройству дома смирения для «преступных римско-католических духовных», где предполагалось обустроить им специальное место для молитв. Тем самым власти хотели снять проблему, о которой беспокоились в своих письмах католические священники. Поэтому было намечено по окончанию строительства такого дома, отправить ксендзов в соседнюю губернию. Каким-то образом об этом стало известно ксендзам. Они предположили, что местные власти желают ужесточить над ними наказание. В этой связи ксендзы снова просят облегчения своей участи уже через графа Александра Христофоровича Бенкендорфа (с 1826 года возглавлял третье отделение политического сыска) у государя императора. В чем собственно искали содействия у генерал-губернатора генерал-лейтенанта В.Я. Руперта. Однако В.Я. Руперт не счел нужным быть посредником между ссыльными польскими ксендзами и русским царем. Он лишь предпринял некоторые меры, судя по всему, не безуспешные, и просьба ксендзов дошла до адресата.

Наконец, 5 марта 1842 года в Иркутск поступило распоряжение государя императора о возвращении ксендзов Л. Тенсеровского и А. Ойржановского в Царство Польское. С царским распоряжением закончилось 7 летнее пребывание ксендзов в Сибири⁵.

16 мая 1842 года ксендзы А. Ойржановский и Л. Тенсеровский выехали в Царство Польское. Перед отъездом они опять обращаются с просьбой к генерал-губернатору. На этот раз ксендзы

⁴ Указ. докум.: л. 92.

⁵ Указ. докум.: л. 104-104 об.

просят средства на проезд до Варшавы. В частности они писали: «Всемиловейшее соизволение Монарха дозволило нам возвратиться на родину, но на совершение столь дальнего и затруднительного пути один из нас не имеет никаких средств, а другой хотя имеет некоторую возможность, но она столь не значительная, что не может даже обеспечить дорожного пропитания. Такое положение наше поставит нам преграду вполне воспользоваться величайшею в жизни милостью, если Ваше Высокопревосходительство Вашей откажете помощи»⁶.

Действительно, обратный путь им предстоял не близкий, от Иркутска до Ковно нужно было преодолеть 6348 верст, а от Ковно до Варшавы еще свыше 58 мили. По подсчетам ксендзов им лишь на прогонных лошадей требовалось более 231 руб. серебром, что составляло свыше 810 ассигнациями. С учетом оплаты подорожной, пропитания, да прочих издержек сумма возрастала до 1103 ассигнациями.

Генерал-губернатор Восточной Сибири В.Я. Руперт оказал помощь ксендзам. Из казенных средств им было выплачено по 500 рублей ассигнациями и ксендзы благополучно возвратились в Польшу. В октябре 1842 года из Варшавы ксендз А. Ойржановский написал благодарственное письмо В.Я. Руперту, в котором извещал о возвращении ему векселя на сумму 500 рублей ассигнациями. Ксендз Л. Тенсеровский по возвращению в Варшаву, видимо, испытывал нужду и сразу не мог вернуть деньги В.Я. Руперту. В своем письме из города Блоне Л. Тенсеровский просил В.Я. Руперта отсрочить платеж денег до следующего года. Однако В.Я. Руперт не мог ждать так долго возврата казенных средств. В январе 1843 года генерал-губернатор Восточной Сибири в письме на имя Мазовецкого гражданского губернатора просил принять меры по возврату средств ксендзом. Всю сумму по векселю Л. Тенсеровский вернул В.Я. Руперту в июне 1843 года, прося у него прощение за несвоевременную выплату, отметив при этом благороднейший поступок его высокопревосходительства⁷.

Что касается третьего польского ксендза А. Рошковского, то его сибирская эпопея также завершилась относительно благополучно.

⁶ Указ. докум.: л.107.

⁷ Указ. докум.: л.123-126 об., 144-145.

Разумеется, радостное для двух ксендзов известие об отъезде на родину, не могло не огорчить ксендза А. Рошковского. Ему было невыносимо оставаться одному. Он просит перевести его из Балаганска «туда, где были бы еписко-католические священники». В июне 1842 года было решено удовлетворить просьбу ксендза и переправить его из Балаганска в другое место. В конце лета, а именно 28 августа окружной начальник выдал служивому Иркутского казачьего полка Семену Оглоблину предписание, по которому тот должен был препроводить ксендза на противоположную сторону Байкала в город Верхнеудинск (ныне г. Улан-Удэ).

Ранее 11 июня 1842 года из Иркутска на имя господина генерал-фельдмаршала князя Варшавского, графа Паскевича-Эриванского был отослан пакет с сопроводительным рапортом за подписью генерал-губернатора В.Я. Руперта. В пакете лежало письмо от ссыльного ксендза А. Рошковского⁸. В ноябре 1842 года В.Я. Руперт получил ответ от князя Варшавского. В том письме сообщалось о противоправных действиях ксендза А. Рошковского в период польского восстания. В частности писалось об эпизоде, когда ксендз А. Рошковский будучи приходским священником в селении Плонки, Августовской губернии склонял жителей к убийству унтер-офицера Брейтера Елизаветградского уланского полка. Поэтому из Варшавы князь сообщал, что не может ходатайствовать об изменении участи ксендза⁹. Кстати, известен и другой аналогичный случай с ксендзом, упомянутый ниже.

Из донесения дежурного генерала армии Главного штаба г. Варшавы становятся известны некоторые факты биографии ксендза А. Рошковского, послужившие основанием к его ссылке в Сибирь. Ксендз пробощ Андрей Рошковский житель Ломзинского отвода селения Плонки-Костельной [50 лет] был осужден за склонение некоторых жителей селения к убийству российского унтер-офицера Елизаветградского гусарского [по другим данным уланского] полка Пшечука, который был там на экзекуции, во время беспорядков в мае 1831 года в Царстве Польском. Также по подговору ксендза Рошковского жители села убили шляхтича Бонько [Криштофа Аполония], который пытался спасти от смерти Пшечука. Ксендз же подговорил селян к преступным действиям

⁸ Указ. докум.: л. 110-111, 114, 118-119.

⁹ Указ. докум.: л. 120-121 об.

против Суражской пограничной таможенной заставы и те напали на нее. В 1836 году на ксендза А. Рошковского было заведено военно-судное дело по приговору которого его отправили, без лишения священнического сана, имущества и шляхетского звания, из Ново-Георгиевской крепости в Восточную Сибирь. Случилось это посредством этапов, начиная с 13 июня 1836 года. А. Рошковский добирался до Иркутска около 20 месяцев. 9 января 1838 года он прибывает в Иркутск, а 18 января его выдворяют на жительство в г. Балаганск. Там А. Рошковский и встретился с двумя другими польскими ксендзами.

Перед отправкой в Сибирь А. Рошковский успел собрать из разоренного войной имения средства: восемьдесят голландских червонцев, три золотых польских монеты, в сто злотых и российские ассигнации на две тысячи пятьсот пятьдесят рублей. Все средства были у него изъяты еще в Брест-Литовске тамошним комендантом, с тем, чтобы по прибытию на место ссылки, он мог их получить на обустройство и проживание. Ему предполагалось отпускать из собственных средств по 200 рублей три раза в год. Еще ксендзу полагалось иметь кормовых по 50 копеек в сутки и квартирных по 5 рублей в месяц¹⁰.

А. Рошковский писал несколько писем на имя В.Я. Руперта. Некоторые из них ниже публикуются. Однажды генерал-губернатором Восточной Сибири, генерал-лейтенант В.Я. Руперт на письмо А. Рошковского написал записку под грифом секретно от 25 октября 1838г. за № 397, Иркутск. Управляющему Иркутской губернии, где сообщал о том, что: «Находящийся в Балаганске Римско-Католический ксёндз Рожковский в присланном ко мне письме объясняя обстоятельства по коим он подвергся не милости Правительства и невинность свою, просит ходатайства моего об облегчении настоящей его участи.

Не считая со своей стороны удобным приступить к таковому ходатайству о Рожковском, по неизвестности мне причин, за которые он послан в Сибирь, я прошу Ваше Высочородие приказать, кому следует объявить Рожковскому, что по этому просьба его уважена быть не может. Подпись: Генерал-Губернатор Восточной Сибири, генерал-лейтенант Руперт»¹¹.

¹⁰ Указ. докум.: л.120-121об.

¹¹ Ф. 24, оп. 3, к. 15, д. 394, л. 5.

Можно лишь предположить, как могла сложиться дальнейшая судьба ксендза А. Рошковского в сибирском крае, если бы за него не стал беспокоиться родственник. За своего дядю хлопотал племянник Рошковского штаб-ротмистер лейб-гвардии Гродненского гусарского полка Октавий Рошковский, на ходатайство которого откликнулся Государь Император. 11 мая 1843 года по Всемиловейшему дозволению ксендзу Андрею Рошковскому было разрешено возвратиться в Могилевскую губернию и поселиться в Копыском уезде в имении отца. Правда, жить ему там предстояло под полицейским надзором. Но это уже было не столь важно для уставшего от мытарств старого ксендза. 13 августа 1843 года пробощ А. Рошковский покинул Иркутск¹².

*

**Прошение из Тунки о переводе ксендзов в Иркутск или
Красноярск. 1835 год.**

Его Высоко Превосходительству Господину
Генерал-Губернатору Восточной Сибири и Кавалеру

**Ксендзов Католических Ойржановского и Тенсеровского
ПРОШЕНИЕ**

Ниже подписавшиеся священники приговорены были судом на жительство при Католическом монастыре во внутренней России; по не оказавшемся такового ближе, где бы в спокойствии вели жизнь нашу, отослали нас для исполнения приговора даже в часть Сибири, в ведомстве Вашем Высоко Превосходительство находящейся.

Помещение наше при Католической церкви в Иркутске очень обнадеживало нас, что мыждемся решительного распоряжения, но настоящая перевозка в Тунку, привела нас в печальное состояние, каковое Вашему Высоко Превосходительству осмеливаемся представить, и всепокорнейше просить об облегчении оногo.

Весь здешний край, по известиям от жителей, в прошедших двух годах протерпел совершенный неурожай, по причине множества насекомых и скорых морозов, мы же приехали сюда после такового бедствия, во время которого даже в плодородных местах жители припасов не имеют, а потому никто с собственных остатков и ничего на содержание нашей жизни не

¹² Указ. докум.: л. 138-140.

уступает и не может, и до того, что горсти круп купить не можем. Чем запаслись то издержали, а потому и не можем из дальних мест доставать припасов, и тем самым лишены всех средств к содержанию жизни; не таковой как бы на, Бедственное содержание жизни имеет большое влияние на наше здоровье, особенно на здоровье ксендза Ойржановского, которого болезнь спины возобновляется, и, ежели [он] не воспользуется благовременным лечением, находится в опасности. Такого лечения в Тунке ксендз Ойржановски [не] имеет и без него никаким образом обойтись не может, ибо несколько лет тому протерпел ушиб спины, испытывает часто возобновление раны, угрожающей, по мнению врачей, даже смертью.

Сие действительное изложение несчастного нашего положения, и по самим бедствиям достойно жалости, полагаем на Всевышнего, что оно сыщет убеждение и потрогает сердце Вашего Высоко Превосходительства, который новым несчастием, уже несчастных ни обременит и не притеснит, а паче облегчить бедствия и отереть слезы сиротам, считает для себя приятнейшею обязанностью. Пусть врожденное милосердие приблизит Ваше Высоко Превосходительство к нашей покорнейшей просьбе, которое состоит в перенесении нашем из Тунки в Иркутск или в Красноярск. В Иркутске, хоть и дорогие припасы, местные священники разделили бы свои запасы с нами, а платеж уже части до сих пор, и следующий ожидали бы до времени присылки пособий от родственников. В Красноярске, дешевле и способность получить по мелочам, при маленьких наших доходах, облегчали бы, по крайней мере, средство нашего пропитания. В оных же городах, как в том, так и в другом, во всяком случае, нашли бы мы лекарскую помощь.

Ваше Высоко Превосходительство удостойте вниманием на покорнейшую просьбу действительно несчастных, а мы неутомимо, дабы Ваше Высоко Превосходительство одарил своим благодеянием, молить будем того, который не оставляет без награждения за вынесенный стакан воды нищему.

Ожидая благосклонной резолюции остаемся в истинной преданностью ашего Высоко Превосходительства всепокорнейшими слугами –
ксендз Антон Ойржановски, ксендз Людвиг Тенсеровски.

Мая 30 дня 1835 года
Тунка.

ГАИО, Ф. 24, Оп. 3, К. 8, Д. 185, Л. 30-31 об. Подлинник, рукопись.

**Письмо ксендзов с просьбой посетить Иркутск для исполнения
духовных треб. 1836 год.**

Ваше Высоко Превосходительство!

Более года ожидаем мы исполнения приговора суда Высочайше подтвержденного и объявленного нам 22-го декабря 1834 года, по коему следуем на жительство в католический монастырь, где бы могли мы, как не лишённые своего звания, исполнять свои обязанности возложенные на нас нашим саном; но как теперь проживаем мы в Балаганске, где не имеется католической церкви, то не только не можем исполнять своего долга в отношении других, но даже и сами более полугода лишены принятия святых таин, к которым законы наши и совесть обязывают нас приступать еженедельно; а потому покорнейше просим Ваше Высокопревосходительство для исполнения духовных треб дозволить нам выехать в Иркутск.

Впрочем, с глубочайшим почтением и преданностью пребыть честь имеем.

Покорнейшие слуги
ксендз Антон Ойржановски
Ксендз Людвиг Тенеровски.
1836 года, 1-го октября в Балаганске.

ГАИО, Ф. 24, Оп. 3, К. 8, Д. 185, Л. 51-51 об. Подлинник, рукопись.

**Письмо об отводе земли ксендзам по исполнению ими права
сельского быта и о религиозных нуждах их. 1838 год.**

Ваше Высоко Превосходительство!

Особо уполномоченная от Престола как представитель оного и Исполнитель власти и Высочайших благодеяний, дает смелость всякому; а не редко ставить его в необходимость, прибегать к ней с просьбою, или о ходатайстве в важных обстоятельствах, или о разрешении сомнения, или об оказании покровительства и снисхождения. Все эти предметы заключаются в настоящем Вашего Высоко Превосходительства просителей, утруднении. Как же просить, по закону природы есть необходимость человека, а просить и надеяться, есть отрада несчастных, то по сему смеют они льстить себя надеждою, что Ваше Высоко Превосходительство просьбу их и примите снисходительно, и удостоите ее своим вниманием.

Высочайше утвержденною конфирмациею объявлено нам 22-го декабря 1834 года, не лишены мы ни дворянского достоинства, ни духов-

ного сана, ни даже знаков отличия, назначены только в католический монастырь внутри России, но в самом отдаленном от границ Царства Польского месте находящийся: Министерство Внутренних дел на запрос польского Правительства, где таковые монастыри находятся, разъяснило /как в конфирмации значится/, что один в Енисейской, а другой в Иркутской губерниях: сходно конфирмации и заключения Министерства отправили нас в город Иркутск, для помещения в монастыри по назначению; к несчастью в Иркутске нет монастыря, а в Красноярске не было тогда даже католической церкви – следовательно, в точности конфирмацию исполнить было невозможно – о разрешении сомнения, бывший генерал-губернатор Восточной Сибири, обещал взойти с представлением, а между тем нас, по прожитии несколько времени в Иркутске, приказал отправить в Тунку, в след же за сим переведены мы в Балаганск и помещены в оном, как означено в предписании г. гражданского губернатора от 31 июля 1835 г. № 142, на правах свободного жительства.

Сего года сельское начальство объявляет нам, что в силу Высочайшего Манифеста 1835 года распространенного на поселенцев из польских мятежников, Высшее начальство предписало отвести и нам по 15 десятин земли, отвод земли простирался на тех людей, кои по роду преступления законом назначены к примени[тельно] сословия и образа жизни – этот то отвод составляет вместе и права тех людей, сообразные роду полученного ими сельского их быта.

Ваше Высоко Превосходительство отвести нам земли в Балаганске значит распространить на нас права сельского быта, следовательно лишить Высочайше оставленных и дарованных нам прав – ибо каким образом человек обличенный саном духовенства и имеющий обязанность соблюдать его обряды и назначения, не лишенный притом политического или гражданского состояния, не могущий по правилам своего сана принять семейственной жизни – решится приняться за соху и исполнение земледельческой обязанности, тем более когда таковая налагается законом применяющим политический быт людей – натурально человек другого сословия будучи причислен к закону и обязанности земледельца должен уже принять и права и назначение последнего, а своих лишиться.

Быть может, что милость назначения нам земли не лишая нас прав и сана, а доказывает только то, что мы должны находиться при церквях в странах Сибири. Тогда то еще для сосланного, впрочем, не лишеного звания, священника, долженствующего однако же находиться неотлучно при церкви, для поддержания состояния получение им земли, составляющей некоторым образом церковное хозяйство, которое сроднит его, так сказать с настоящим положением обстоятельствами и людьми, будет сообразное с милостью и великим благодеянием.

Таким образом, положение наше между отчаянием и надеждою, между отвержением милостью и благодеянием поставило нас в необходимость, утруждать особу Вашего Высоко Превосходительства покорнейшею просьбою: Если отвод земли распространен на нас по смыслу Манифеста

1835 года, простирающегося единственно на поселенцев из польских мятежников лишенных звания, а мы к разряду этому не подлежали, то приказать от одного освободить, или же исходатайствовать разъяснение причисления нас к земледельческому сословию, налагающему на быт наш, по точному смыслу означенного Манифеста, новое право. Если же отвод этот имеет целью утверждения нашего при церквах, а помещение нас в Балаганске было последствием того, что в Красноярске не существовало тогда церкви, то удостойте приказать; поместить одного из нас при Иркутской, а другого при Красноярской католических церквах, как в местах самых приличных, необходимых для сана нашего и исполнения обязанностей одного, в местах предназначенных даже конфирмациею и отзывам Министерства Внутренних дел.

Ваше Высоко Превосходительство! До нынешнего времени мы не имели возможности доказать истинного раскаяния за опрометчивость свою и прежние невольные поступки, одно неукоснительное повиновение властям и гражданскому управлению, четырехлетняя смиренная и пришельческая здесь жизнь, может только быть свидетельством достаточного раскаяния и послужить уверением, что и теперь не употребим во зло милости об которой осмелились и были в необходимости просить.

Удостойте Ваше Высоко Превосходительство своим вниманием несчастных! Прикажите от ближайшего начальства забрать об них сведение, которое, вполне надеемся подкрепить нынешнюю просьбу, и дозвоьте дабы в лице Вашего Высоко Превосходительства могли доказать, что четырехлетним терпением и смирением заслужили они снисхождение и достойны одного.

Впрочем с чувствами глубочайшего почтения и преданностью пребыть честь имеем Вашего Высоко Превосходительства покорнейшие слуги
ксендз Антон Ойжановский, ксендз Людвиг Тенсеровский.

Балаганск, 1838 года июня 9 дня.

ГАИО, Ф. 24, Оп. 3, К. 8, Д. 185, Л. 73-76 об. Подлинник, рукопись.

**Просьба ксендзов о разрешении выезда в Иркутск для исполнения
духовных треб. 1838 год.**

Ваше Высоко Превосходительство!

Г. Иркутский Земский Исправник от 31-го июля 1835 года за № 142 по распоряжению Высшего Начальства отправляя нас в заштатный город Балаганск, уведомил местное Начальство, что мы должны проживать на правах свободного жительство; но сельское Начальство, не понимая точного смысла предписания, оттеснило нас до такой степени, что не

дозволяет нам выезда в церковь для исправления духовных треб; священник же был у нас только дважды, тогда как мы уже четвертый год находимся в Балаганске, и таким образом, мы не будучи лишены приговором священнического сана, находимся лишенными оною местностью; которая не позволяет нам исполнять обязанности возложенные на нас нашим саном; а потому осмелились мы всепокорнейшее просить Ваше Высоко Превосходительство, чтобы изволили, рассмотреть наше стесненное положение, приказать по временно, выдавать нам виды на свободный проезд в г. Иркутск для исполнения духовных треб. Полагаясь на снисхождение Ваше и на основательность прошения, смеем надеяться, что не отринете просьбы пребывающих с чувствами глубочайшего почтения.

Вашего Высоко Превосходительства покорнейших слуг
ксендза Антона Ойржановского и ксендза Людвиг Тенсеровского.

Балаганск, Сентябрь 7 дня 1838 г.

ГАИО, Ф. 24, Оп. 3, к. 8, Д. 185, Л. 86-86 об. Подлинник, рукопись.

Письмо Антона Ойржановского на имя генерал-губернатора Восточной Сибири. 1841 год.

Милостивый государь!

Если люди лишены голоса в обществе, замеченные Правительством, и не имеющие занятий, осмеливаются утруждать своим прошением лицо находящееся на высокой степени достоинства, облаченное полною доверенностью МОНАРХА и обремененное множеством дел по управлению; то можно утвердительно сказать, что просьбу эту вынудили или слишком тесные обстоятельства или быть может и самое отчаяние.

В самом деле, Ваше Высоко Превосходительство, слишком тесные обстоятельства и быть может самое отчаяние вынудили ниже подписавшихся объяснить Вашему Высоко Превосходительству крайность своего положения и покорнейше просить Вас о помощи.

Назначенных приговором суда на жительство в католический монастырь, находящийся внутри России, по стечении неблагоприятных, и, даже нам не известных, обстоятельств, удалили нас в Сибирь, и на последок на жительство в Балаганск в 1835 году. Правительство на содержание наше назначило каждому по 50 коп асс[игнациями] в сутки кормовых, двоим по 5, а одному 4 руб асс[игнациями] в месяц квартирных денег. С величайшей благодарностью приняли мы эту помощь, без которой содержание наше сопряжено было с непреодолимыми трудностями. Эта помощь в то – какие крохи вывезенные из дому, которым совокупно

с кормовыми и квартирными деньгами могли нам доставить средства содержания, по крайней мере, до того времени, в которое переместили бы нас в назначенное приговором место. Но когда цены всем произведениям почти утроились и неблагонадежные урожаи предвещают еще большую дороговизну; когда наем квартир в Балаганске превзошел назначенные нам квартирные деньги, и, когда все домашние крохи издержаны, одежда и белье изношены, назначенные кормовые деньги оказались недостаточными на содержание нас. Крайность привела нас до бережливости, которая казалась даже скупостью, но и та нам не помогла, следовательно, из суммы недостаточной на пищу, что можно сберечь на одежду.

Угнетаемые недостатком, хотели мы собственными трудами высвободиться из оногo, но не могли приискать ни одного занятия, которое согласуясь с нашим духовным саном, доставило бы нам хотя малейшую выгоду. Отчаяние принудило нас на последок просить родственников помогать нам, однако же и это средство не соответствовало нашим ожиданиям, ибо двое из нас получили весьма недостаточную помощь, а третий никакой.

Таким образом, когда все, от нас зависящ которые не имеют даже возможности лично доказать, что они пребывают к Вам навсегда с глубочайшим почтением и совершенною преданностью.

Вашего Высоко Превосходительства Милостивый Государь
покорнейшие слуги
ксендз Антон Ойржановский и кавалер ксендз Людвиг Тенировский,
магистр Его Святейшества Папы Римского Секретарь, ксендз Андрей
Рошковский, бывший маршал в округе Советник губернский

Балаганск, Июль 28 дня 1841 года.

ГАИО, Ф. 24, Оп. 3, К. 8, Д. 185, Л. 90-91 об. Подлинник, рукопись.

**Письмо трех ксендзов генерал-губернатору Восточной Сибири.
1842 год.**

Ваше Высоко Превосходительство!
Милостивый Государь!

Уведомленные, что высшее начальство не только отказалось улучшить положение наше прибавлением на одежду по 150 руб. асс[игнация-ми]каждому в год, как Ваше Высоко Превосходительство ходатайствовали, за что Вас всечувствительнейше благодарим; но сверх того предположило еще раз увеличить наказание наше: причислить нас к преступным римско-католическим духовным и помещением в смиренном доме, который

для того рода людей строиться в Минусинском округе, – решились мы искать защиты и облегчения в правосудии и милосердии Всемилошвейшего Монарха посредством Его сиятельства Графа Бенкердорфа, все покорнейше просим Ваше Высокопревосходительство приложенное при сем в открытом конверте к его Сиятельству прошение просить отослать по принадлежности.

Льстим себя надеждой, что Ваше Высокопревосходительство как местный начальник знающий лучше всех и раскаяние наше и бедственное положение, не откажете подкрепить просьбу нашу благосклонным мнением Вашим и не оставите приказать уведомить нас, что мы должны ожидать.

Впрочем, честь имеем пребыть с глубочайшим почтением и совершенною преданностью Вашего Высоко Превосходительства Милостивый Государь

Покорнейшие слуги
ксендз Антон Ойржановский
ксендз Людвиг Тенсеровский
ксендз Андрей Рошковский

16-го марта 1842 г., Балаганск

ГАИО, Ф. 24, Оп. 3, К. 8, Д. 185, Л. 101-101 об. Подлинник, рукопись.

Прошение ксендза А. Рошковского. 1838 год.

Do Jaśnie Wielmożnego Jenerał Gubernatora Wschodniej Syberii

Bałagansko, dnia 1 lipca 1838 roku

Prośba księdza Andrzeja Roszkowskiego o przesiedlenie

Jaśnie Wielmożny Jenerale!

W nadziei miłosierdzia, dobroci i łaski J.W. Pana, pomimo mej niegodności, ośmielałam się zbliżyć do stóp Jego, z najpokorniejszą Prośbą swoją, abyś J.W. Pan z miłosierdzia i łaski swej raczył rozkazać przesiedlić mię na mieszkanie do Irkucka lub Krasnojarska przy kościele katolickim (a jeżeliby to miało Wysoką Jego władzę przechodzić, uczynić oto przedstawienie). J.W. Panie! racz łaskawie zwrócić Swą uwagę:

1° Na wiek mój już podeszły, bo 52 lata życia, a tem samem na słabość zdrowia, niesposobność i nienawykłość do wszelkiej pracy ręcznej, ani do zaprowadzenia gospodarstwa wiejskiego, lubo mi tu polecono wydać 13 dziesięcin ziemi.

2° Na cel prośby mojej: iż przepędziwszy życie moje przy kościele i na usługę jego pragnę one skończyć, na modlitwie, przy temże stosownie do stanu i powołania mego, również pod okiem J.W. Pana pragnę dowieść spokojności całego życia mego.

3° Na stan mój duchowny, którego nie jestem pozbawiony i w którym służąc lat 30, starałem się podobać nie tylko władzy duchownej, ale i Rządowej i wskutek mych zasług nie tylko zarządzałem przez lat 29 ciągiem jedną liczną parafią, ale z woli Rządu byłem marszałkiem obwodu łomżyńskiego i Radcą Guberni Augustowskiej.

J.W. Panie, gdybyś łaskawie przypuścić mię raczył przed oblicze swoje i pozwolił wytłumaczyć się z winy, za którą tu przysłany jestem, a tłumaczenie poprzeć dowodami. Spodziewam się, iżbym onemi zapewnił J.W. Pana o mojej zupełnej niewinności i że jedynie padłem ofiarą złości rewolucjonistów za to, iż w czasie ich zaburzeń nie łączyłem się z nimi.

Obok tego najpokorniej upraszam J.W. Pana, aby moje pieniądze znajdujące się w kasie mogły być złożone w takim miejscu, gdzie by mi procent przynosiły.

Jaśnie Wielmożny Panie! Nie racz oddalać od ucha Twego najpokorniejszej prośby nieszczęśliwego, który srogim losem pozbawiony wszystkiego, po Bogu w Tobie tylko J.W. Panie widzi Swego opiekuna, którego zostanę na zawsze z najszczerzym uwielbieniem i najgłębszym uszanowaniem.

Książd Andrzej Roszkowski.

ГАИО, Ф. 24, Оп. 3, К. 8, Д. 185, Л. 79-80. Подлинник, рукопись.

**Прошение ксендза А. Рошковского о переводе его из Балаганска
в другое место. 1842 год.**

Jaśnie Wielmożny Generał Gubernatorze!

Z woli Jaśnie Oświeconego Księcia Namiestnika Królestwa Polskiego w r. 1836 byłem odesłany w Irkuck z przeznaczeniem mnie przyłączyć do księży polskich, wskutek tego odprawiono mnie w Bałagansk, ponieważ tam znajdowało się dwóch księży polskich, gdy teraz, wskutek ułaskawienia NAJWSPANIALSZEGO MONARCHY, ujechali na łono swych familii, ja w Bałagańsku już niestosownie do wyroku pozostaje. Nadto mam ja tu sprawiedliwą obawę wydarzyć się ze mną mogącego nieszczęścia, odbierając bowiem nieco zasiłków pieniężnych, przez władzę rządową, lubo na potrzeby moje własne, część jedną wyexpensowałem, a z drugiej już źli nieprawnie korzystali, jednak utrzymuje się wieść, że u mnie są znaczne pieniądze, a czegoż się nie dopuszczają dla pieniędzy. Kiedy nas było trzech, niebezpieczeństwo zdawało się niepodobnym, lecz teraz, kiedy ja zgoła w nieprzebytym lesie zostaję sam jeden, obawa moja zdaje mi się roztropną.

Jaśnie Wielmożny Panie, racz zważyć tę okoliczność i przemieścić mnie tam, gdzieby byli księża katolicy, a tem sposobem i wyrok na mnie może się spełni i niespokojność zniknie.

Ośmielam się jeszcze prosić Jaśnie Wielmożnego Jenerał Gubernatora, aby dołączone tu prośby stosownie do adresów polecił odesłać – o co najpokorniej proszę i zostaję z najgłębszem uszanowaniem Jaśnie Wielmożnego Jenerał Gubernatora Najpokorniejszym Sługą.

Książd Andrzej Roszkowski.

Bałażańsk, 4 maja 1842 r.

Ф. 24, Оп. 3, К. 8, Д. 185, Л. 109-109 об. Подлинник, рукопись.

POLSCY KSIĘŻA NA SYBERYJSKIM ZESŁANIU
LISTY KSIĘŻY: A. OJRZANOWSKIEGO, L. TENSOROWSKIEGO
I A. ROSZKOWSKIEGO Z LAT 1835-1842

S t r e s z c z e n i e

Artykuł traktuje o losach trzech księży zesłanych na Syberię Wschodnią za udział w polskich wydarzeniach powstańczych lat 1831 (powstanie listopadowe) i 1833 (partyzantka Józefa Zaliwskiego). Oparty został głównie na materiałach archiwalnych archiwum w Irkucku w Rosji. Składa się z dwóch części: pierwsza dotyczy dziejów księży na Syberii w latach 1835-1843 oraz niektórych szczegółów ich wcześniejszego patriotycznego zaangażowania w Królestwie Polskim; druga – to listy księży do władz rosyjskich z prośbami o ulżenie ich zesłańczej doli, pisane w dwóch miejscach ich osiedlenia, w Tuncie i Bałażańsku. Wszyscy ci księża zostali zwolnieni z zesłania w latach 1842-1843 i powrócili na ziemie polskie. Artykuł ma dużą wartość poznawczą; ustala wiele szczegółów w mało dotąd rozpoznanych biografiach księży (porównaj biogramy w: W. Śliwowska, *Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX w. Słownik biograficzny*, Warszawa 1998).